

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 34 (09)

Д.А. Савченко

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАИБОЛЕЕ ОПАСНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

В статье рассматриваются предписания Псковской судной грамоты, в которых впервые в русском законодательстве кража из храма, поджог и другие наиболее опасные для общества деяния были выделены в особую категорию правонарушений. С учетом особенностей древнерусской религиозно-правовой системы исследуются правовые источники норм, санкционировавших применение за них смертной казни, а также содержание предусмотренных Псковской судной грамотой имущественных последствий этих правонарушений.

Ключевые слова: древнерусское право, Псковская судная грамота, правонарушения, смертная казнь, конфискация имущества.

Псковская судная грамота занимает особое место в отечественной юридической истории. Она является крупнейшим памятником русского законодательства XIV–XV вв. В Псковской судной грамоте отразились новые по сравнению с Русской правдой правовые институты, свидетельствующие о качественном изменении системы древнерусского права.

Одним из таких нововведений стало законодательное выделение особой группы наиболее опасных правонарушений и определение ответственности лиц, их совершивших. Уже в начальных статьях Псковской судной грамоты¹ было записано: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати». В историко-правовой литературе утвердилось мнение о том, что в этой статье названы «тягчайшие преступники, которых знает Псковская Судная грамота» [1. С. 44], а именно: два вида воров («татей») – кримской и коневой, поджигатель («зажигалник») и лицо, оказавшее помощь врагу («переветник»).

Предписание «живота не дати» обычно трактуется как «казнить смертной казнью». Положение о том, что Псковская судная грамота предусматривает смертную казнь за «тяжкое воровство, зажигательство и измену», было сформулировано еще в XIX в. первыми исследователями этого правового акта И.Е. Энгельманом [2. С. 70] и Ф.Н. Устряловым [3. С. 57–59] и затем неоднократно повторялось в литературе.

¹ Всего в тексте Псковской судной грамоты принято выделить 120 статей. Анализируемая статья обычно публикуется под номером 7. Известный советский историк Ю.Г. Алексеев предложил собственную разбивку грамоты на статьи. Указанную норму он считал частью пятой статьи, в которую, по его мнению, входит и последующее правило: «Что бы и на посад(е) не крадется ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изли(чи)в, живота ему не дати, крам кромьскому татю» [1. С. 44].

Принято считать, что соответствующая статья Псковской судной грамоты «вводит новый вид наказания, не знакомый Русской Правде, – смертную казнь» [1]. Утверждается, что «Псковская Судная грамота явилась своеобразной вехой в развитии законодательства о смертной казни. Впервые... к действию смертной казни была отнесена целая группа преступных деяний» [4. С. 22]. Как представляется, такое утверждение нуждается в уточнении.

Ю.Г. Алексеев отмечал, что в Псковской судной грамоте смертной казнью заменен известный Русской правде «поток и разграбление». «Поток и разграбление – лишение гражданских и политических прав, т.е. гражданская смерть. Человек, объявленный вне закона, потерявший все социальные связи, становится беспомощным и беззащитным. Имущество его предается грабежу, сам он может быть немедленно и безнаказанно убит, а семья его продана в рабство. Фактически это смертная казнь с конфискацией имущества... Суть ее – изгнание преступника из того мира, в котором он живет и принадлежность к которому определяет его социальное лицо...» [1. С. 46–47].

Таким образом, «поток и разграбление» включали меры как личного, так и имущественного характера. Смертная казнь пришла на смену личной составляющей этого наказания. Однако при ее назначении открытым оставался вопрос о судьбе имущества преступника.

Этот вопрос вставал и в тех случаях, когда смертная казнь по тем или иным причинам (например, из человеколюбия, под влиянием «печалования» церковных иерархов) не применялась. От судьбы имущества преступника зависела и его способность выкупить свою жизнь. Ведь возможность откупиться от смертной казни, как и предшествовавшая ей возможность откупиться от кровной мести, с давних времен допускалась правовыми обычаями. Как подметил Р.Л. Хачатуров, еще в договоре Руси с Византией 911 г., который предписывал кровную месть для убийцы, предусматривалась и его возможность откупиться от наказания [5. С. 113–114].

Как представляется, правило «живота не дати» как раз и характеризовало имущественные последствия указанных в Псковской судной грамоте наиболее опасных преступлений.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в древнерусских нормативных актах слово «живот», как правило, употреблялось в значении «имущество»¹. При этом в большинстве случаев речь шла об имущественных отношениях в семье применительно к наследственному праву.

Так, в Уставе князя Владимира среди «церковных судов», т.е. дел, отнесенных к церковной юрисдикции, названы «промежи мужем и женою о животе», что обычно трактуется как споры между супругами об имуществе [6. С. 140, 145, 149]. В Новгородском уставе князя Всеволода к этим делам добавлен «суд о бездетном животе», т.е. о наследстве человека, не имеющего детей – прямых наследников. В дополнительных статьях этого Устава речь шла о «прелюбодейной части в животе», т.е. о части наследства, выделяемой незаконной жене и ее детям. Самостоятельная норма Устава была посвящена ответственности виновных в порче торговых мерил (весов). Она предпола-

¹ Это отражено, в частности, в предметно-терминологическом указателе к книге «Законодательство Древней Руси» из многотомника «Российское законодательство X–XX веков» [6. С. 405].

ла не только казнь, но и передачу имущества церквям: «того казнити близко смерти, а живот его на-трое: треть живота святей Софии, а другая треть святому Ивану, а третья треть сочьским и Новугороду» [6. С. 251–253].

В самой Псковской судной грамоте в семи статьях речь идет о «животе» как о переходящем по наследству имущества. В ст. 14 говорится о поиске среди наследуемого имущества («живота») тех вещей, которые ранее были переданы умершему на хранение другими лицами, а также о переходе долговых обязательств умершего на наследников. В ст. 84, 87 идет речь о судьбе имущества «изорника» («живот изорнич»), т.е. человека, работавшего на земле «государя» (хозяина) и имевшего перед последним долги. Статьи 88 и 89 регулируют порядок наследования между супругами их «отчины» (полученного от собственных родителей) и «живота» (нажитого имущества). Статья 100 говорит об имуществе, которое должно передаваться по наследству, однако по воле человека «пред смертью» было передано племяннику [4. С. 25, 52–54, 57–58].

Как видим, в проанализированных актах «живот» – это нажитое при жизни человека имущество, которое является предметом наследственных отношений. После смерти собственника его судьба решается церковными и светскими властями, которые могут определить, кому и в какой пропорции передавать подлежащее наследованию имущество («живота дати»).

Изложенное позволяет предположить, что предписание Псковской судной грамоты «живота не дати» говорит не о смертной казни, а об иных – имущественных последствиях совершенных преступлений.

Это не означает, что к перечисленным в Псковской судной грамоте наиболее опасным преступникам не применялось лишение жизни в качестве наказания. Такие факты неоднократно отмечались в летописях.

Например, в Псковских летописях под 1476 г. рассказывается о том, как жители Псковского пригорода казнили (повесили) конокрада [7. С. 206].

Новгородская летопись свидетельствует о совершенной в 1230 г. на вече казни человека, обвиненного в покушении на поджог: «...а Волоса Блуткиница на вечи убиша, рече посадник: «ты еси мои двор хотел зажечи» [8. С. 1520; 9. С. 69, 276]. В 1442 г. в Новгороде «многие сожжены были по подозрению в поджогах» [10. С. 160]. Псковская летопись под 1496 г. упоминает о казни преступника, признанного виновным в умышленном поджоге города: «...загорелся на Кромю... и клетей много погорело, и ржы много и платья... а зажег Чюхно, закратчися, а послаша его ... Немцы зажечь и посулиша емоу дароу много... Изымаша его на Кромю и сожгоша его огнем» [11. С. 82].

В отношении перевета И.Д. Мартысевич [12. С. 96] отмечал, что смертная казнь за это преступление нашла отражение в летописях уже при описании событий XIII в., связанных с изгнанием князем Александром Невским немцев из города Копорья (1241 г.): «Поиде князь Олександр на немцы на город Копорью... и взя город, а Немцы приведе в Новгород, а инех пусти по своей воли, а Вожан и Чюдцю переветники извеша» [9. С. 78]. Ю. В. Оспенников обратил внимание на еще более ранний факт, относящийся к конфликту 1167 г. между новгородцами и князем Святославом: «Новгородьци же... уби-

ша Захарию посадника, и Неревина... яко творяхуть е перевет дръжаше къ Святославу» [8. С. 1517].

Летописи свидетельствуют о том, что и в последующем за перевет к преступникам по решению веча или князя применялось причинение смерти через повешение или сбрасывание с моста в реку (после предварительных побоев) [8. С. 1519–1520].

Например, Псковская летопись описывает случай казни за оказание помощи врагу, имевший место в 1469 г.: «...пришедшее Немцы ратью на миру на Псковскую землю... и побиша Пскович... и хоромы пожгли; а переветники Немець и Чудь на Псковичь подвели, а перевет учинил над ними Иванко Подкурской да другой Иванко Торгоша». После выявления преступления виновные были казнены: «...а потом... Псков доведався Иванка Покурского на бревне замучили, а другого Иванка Торгошу за лытки тогда же в осень на леду повесили» [13. С. 233].

Таким образом, летописные сообщения не оставляют сомнений в том, что в XIII–XV вв. русское право допускало возможность применения смертной казни за наиболее опасные преступления.

Вместе с тем, как представляется, не Псковская судная грамота была ее законодательным источником. Ведь с точки зрения господствовавшей на Руси христианской правовой идеологии правомерное причинение человеку смерти должно было иметь авторитетное религиозное обоснование. Ни составители Псковской судной грамоты, ни автор одного из ее источников – великий князь – не могли присвоить себе право ввести норму о лишении человека жизни в качестве наказания.

Это право принадлежало только царям (императорам). Они получали особую религиозную санкцию своих прав в акте «священного миропомазания». Знаменитый канонист XII в. Вальсамон писал: «Императоры... должны почитаться учителями в силу сообщаемого им помазания священным миром. Отсюда происходит право благоверных императоров поучать христианский народ... Сила и деятельность императора простирается и на душу, и на тело подданных». А архиепископ болгарский Дмитрий Хоматин (XIII в.) утверждал: «Как искупитель наш, помазанный Духом Святым, есть верховный наш Первосвященник, так справедливость требует, чтобы и помазанник Божий император наделен был благодатью первосвященства» [14. С. 331].

Именно царь (император) выступал в качестве формального источника Закона. Он был «одушевленным законом», а законодательство являлось важнейшим знаком императорского достоинства [15. С. 240]. Поэтому только царь мог дать закон (в его христианском понимании), тем более закон о смертной казни. Князь же лишь формировал Правила, вытекавшие из закона и конкретизировавшие его применительно к полномочиям властей.

Как известно, царями на Руси признавались византийские императоры, а в последующем – ордынские ханы. Поэтому в древнерусский период сама возможность смертной казни наиболее опасных преступников, как представляется, допускалась только в соответствии с законами царей: греческих (византийских императоров) и ордынских (монгольских ханов).

С принятием христианства на Руси появились церковно-славянские переводы греческих текстов как религиозного, так и нерелигиозного содержания,

в том числе и переводы юридических текстов. При этом на все церковно-славянские тексты в конечном счете экстраполировалось религиозное восприятие. Поэтому законодательство византийских императоров, как и христианские религиозные нормы, стало важнейшим идеологическим источником древнерусского права. Это было связано с их рецепцией как части единой христианской культуры, в рамках которой соблюдение византийского права рассматривалось как необходимый элемент спасения [15. С. 228, 230–231].

Наиболее полным религиозно-правовым источником христианской Руси была Кормчая книга («боговдохновенная книга Кормчая; греческим языком Номоканон; словенским же Закону правила»). В Кормчей книге русское духовенство и князья видели общий юридический сборник законов¹. Одним из них был изданный между 870 и 879 гг. императором Василием Македонянином Прохирон, т.е. руководство для судей, ручная книга законов. А.С. Павлов отмечал, что Прохирон, перевод которого на Руси был известен под названием «Градский закон», до самого падения Византийской империи оставался «главной ручной книгой законов у юристов-практиков» [14. С. 69]. М. Бенеманский справедливо отмечал, что «непоколебимость авторитета градских законов совершенно приравнивалась к непоколебимости авторитета церковных канонов» [17. С. 111].

Именно Градской закон и санкционировал применение смертной казни к переветнику и зажига́льнику.

В частности, перевет как преступление по своей сути и содержанию соответствовал деяниям, предусмотренным главой 17 грани 39 Градского закона: «Иже к ратным своею волею от нас приходяще и наши советы возвещающе им, на висилицех повешаются или сожигаемы бывают» [17. С. 391].

Деяние зажига́льника предусматривалось главой 18 грани 39 Градского закона: «Аще некто ведый, рекше хотением дом зажжет или ворох жита, близ дому лежащ, и обличен быв, огневи предан боудет». При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что суть преступления в Кормчей книге передана через глагол «зажжет», а не «сожжет» (т. е. полностью истребит что-либо огнем) – в точном соответствии со смыслом византийского закона [10. С. 204].

Вместе с тем за кримскую (т.е. из храма) и коневую татьбу, а также за татьбу в третий раз в Градском законе была установлена не смертная казнь, а членовредительные наказания – ослепление и отсечение руки: «Иже во олтарь во дни или в нощи входя, и от сущих в нем священных нечто украдая, да ослепится. Аще же вне олтаря, от иныя церкви украдет что, биен и острижен, да изженется из предел»; «Аще подъяремника рекше коня (крадущий) таковым руце усечены бывают»; «Аще не единого, но многи в татьбе яти будут, руки им да усекут» (главы 58, 53, 54 грани 39 Градского закона). Членовредительные наказания, как более гуманные, пришли в Византии на смену смертной казни за соответствующие преступления, которая сохранилась

¹ Кормчая дошла до нашего времени во множестве списков, состав ее по этим спискам неодинаков. «В Кормчих, по месту, где они составлялись, помещались все местные узаконения, как светские, так и духовные» [16. С. 297–303].

лишь для разбойников, живущих преступным промыслом: «нарочитии разбойницы ... повешении да будут» (глава 15 грани 39 Градского закона).

В то же время смертная казнь за кражу была обычным наказанием по монгольскому праву [18]. Сохранились свидетельства о том, что уже первый крупный деятель монгольского права Шихи-Хутаг, который с 1206 по 1252 г. выполнял обязанности высшего государственного судьи (судьи), должен был «наказывать за кражу во всем государстве, применять законы, убивать тех, кого должны были убить, наказывать тех, кого нужно было наказывать».

Венецианский путешественник Марко Поло свидетельствовал: «Наказание зависело от вида кражи...» Побывавший в Монголии в 1254 г. французский посланник Виллем Рубрук писал: «...они карают смертью за огромную кражу. За легкую кражу... лишь бы только человек не часто попадался в этом, они жестоко бьют...» [19. С. 79]. Для тех, кто растратил имущество других третий раз или являлся неисправимым вором, не было другого наказания, кроме смертной казни. Посол Рима Плано Карпини, приехавший в Монгольское государство в 1247 г., отмечал: «Там не обретаются ... разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его или ведет к тем людям, которые для того приставлены...» «Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают безо всякого сожаления» [19. С. 12–13, 15].

Как говорилось в 53-м фрагменте Великой Ясы – главного закона монгольской империи – лишь «если украденная вещь не является важной, то следует наказать плеткой» [18]. Есть основания полагать, что к таким «менее важным» вещам в Монголии не могли относиться кони. Как писал о монголах Плано Карпини, «лошадей они очень берегут» [19. С. 16]. Поэтому кража лошади расценивалась, вероятно, как тягчайшее преступление и влекла смертную казнь. Не случайно писатель из Аравии свидетельствовал: «В Монголии не существовало краж лошадей» [18]. По сообщению Плано Карпини, один из русских князей – «князь Чернигова Андрей» – был обвинен перед ханом Батыем в том, что «уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит» [19. С. 9; 20. С. 29–30]. О смерти князя Андрея Мстиславича, убитого Батыем, упоминалось и в русской летописи под 1245 г. [20. С. 199]. Это событие, вероятно, оставило глубокий след в правосознании представителей власти на Руси и могло стать прецедентом, санкционировавшим смертную казнь за конокрадство.

Кроме того, под особой защитой монгольского хана находилось имущество религиозного назначения. Плано Карпини по этому поводу свидетельствовал: «... у них есть идолы... Некоторые ставят их на прекрасной крытой повозке пред входом в ставку, и всякого, кто украдет что-либо с этой повозки, они убивают без всякого сожаления» [19. С. 7]. Даже в XVII в., когда меры наказания за преступления стали более мягкими, чем во времена Чингисхана, писанный памятник монгольского права «Восемнадцать степных законов» предусматривал смертную казнь с конфискацией имущества лица, оскорбившего действием храм [18].

Следует отметить, что хищение предметов религиозного назначения (святотатство) влекло смертную казнь и по древнегреческому, и по римскому праву. Так, Ксенофонт в «Греческой истории» писал про закон о святотатцах и предателях: «Лица, предавшие город или похитившие посвященные богам предметы, подлежат суду присяжных. Если они будут осуждены, то запрещается хоронить их в Аттике, а имущество их конфискуется в казну» [21. С. 108–109]. И в китайском праве кражи предметов культа как разновидность «выражения великого непочтения» относились к «непрощаемым» преступлениям, наказуемым смертной казнью. Как известно, нормы китайского права оказали серьезное влияние на развитие правосознания и законодательства монголов.

Религии покоренных народов почитались монголами так же, как их собственная религия. Поэтому ханы признали и утвердили неприкосновенность русских христианских церквей, монастырей и часовен, а за оскорбление веры установили смертную казнь. Так, в ярлыке Узбек-хана митрополиту Петру говорилось: «...а что закон их в законе церкви и монастыри и часовни их ничем да не вредят, ни хулят, а кто учнет веру хулити, или осуждати, и тот человек не извинится ничем же и умрет злою смертью» [16. С. 261]. Хан не только сам казнил обидчиков церкви по жалобе митрополита, но и позволял церковным людям убивать их. В ярлыке Атюляка говорилось: «А нам ся на кого пожалуют церковные люди, и тот от нас неживотного казнию казенен будет. А кого наших послов или пошлинников убьют церковные люди над своим добром, тому вины нет» [16. С. 261–262].

Привилегии церковного имущества в самих ярлыках объяснялись тем, что «митрополит о нас Бога молит». В ярлыке Узбек-хана митрополиту Петру (1313) объяснялось: «...ибо все то есть божие; ибо эти люди молитвою своею блюдут нас и наше воинство укрепляют»¹.

Монгольский хан считался верховным государем, царем Русской земли. Н.И. Костомаров обоснованно утверждал, что главные начала монгольских государственных порядков были применимы и к Руси [23 С. 125]. Поэтому обычаи и законы монголов, которые предусматривали смертную казнь, оказали влияние на распространение этого вида наказания и на Руси [24. С. 44].

Как представляется, именно монгольский хан был тем законодателем, который в качестве царя санкционировал возможность применения на Руси смертной казни за отдельные, наиболее опасные виды татбы – за кражу из храма и кражу лошади, а также за кражу в третий раз. При этом светские и церковные власти определяли имущественные последствия преступлений и процессуальные правила рассмотрения дел.

Псковская судная грамота как принятый на псковском вече правовой акт представляла собой «местное дополнение и частичное изменение» [4. С. 19, 246] системы действовавших тогда на Руси правовых норм. При этом основной целью составителей Псковской судной грамоты была регламентация полномочий действовавших в Пскове судов, упорядочение соответствующих процессуальных и имущественных отношений. Содержание грамоты состав-

¹ Первый такой ярлык, по сути охранная грамота митрополиту, был выдан Менгу-Тимур-ханом в 1270 г. [22. С. 139].

ляли, прежде всего, нормы гражданского процесса и гражданского права, что было отмечено в работах Ф.Н. Устрялова и большинства последующих исследователей Грамоты [4. С. 11]. Как писал И.Е. Энгельман, при наличии в Грамоте двух начал – публичноправового и частноправового – приоритет принадлежал частноправовому началу [2. С. 70]. В частности, в Псковской судной грамоте была дана детальная регламентация всех судебных пошлин [4. С. 387].

Предписание Псковской судной грамоты «живота не дати» означало лишение преступника «нажитого им достояния», а значит, и лишение его возможности откупиться от смерти, а также запрет передавать по наследству имущество этого преступника, прежде всего имущество движимое, нажитое им при жизни.

По своей конструкции правило «живота не дати» представляло собой за-прещающую норму. Она предписывала судьям, к которым преступник мог бы обратиться с просьбой «дать живот», отказать в такой просьбе. Подобные запреты были известны праву других народов как неотъемлемый элемент «изгнания из общины». Так, у южных славян осужденному на «поток» за-прещалось давать «исти, или питии, или инуку помоть» [25. С. 31].

Сама возможность решать вопрос о том, «давать или не давать живот», вероятно, обуславливалась существовавшим в Пскове обычаем «хранить запас зерна и движимого имущества вне двора в городе или на посаде, а именно в клетки на крому... Эти запасы служили спасением на случай голода и разорения и охранялись. Вероятно, кромские клетки запирались... Под защитой крепостных укреплений и Святой Троицы сбережение было надежнее»¹. После смерти собственника судьба этого имущества решалась властями.

Есть основания полагать, что весь «живот» преступника обращался в пользу общины и распределялся между горожанами. Ведь именно община была в этом случае «коллективным потерпевшим», имевшим право на возмещение причиненного ей вреда.

Здесь интересы общины могли не совпадать с интересами князя, к чьей компетенции, вероятно, относился суд над наиболее опасными преступниками. Ведь виру и продажи, получаемые в результате разрешения судебных дел, были важнейшей статьёй княжеских доходов. Сюда же, по-видимому, относились и средства, получаемые от преступника в качестве «выкупа за смерть». Поэтому княжеский суд мог быть заинтересован в выдаче преступнику его имущества для его последующего использования в качестве выкупа. Правило Псковской судной грамоты «живота не дати» запрещало принимать подобное решение. Для правонарушителя это означало обращение его «живота» в пользу общины и невозможность выкупить свою жизнь.

Выделение категории преступников, лишенных права откупиться от смерти, было известно праву и других государств. Так, в средневековом Китае допускался откуп от смертной казни, как и от иных видов наказаний [27. С. 305]. Вместе с тем закон определял перечень наиболее опасных, подры-

¹ И.К. Лабутина относит возникновение этого обычая к периоду не позднее XIII в., «когда дети-нец был единственным надежным укреплением в Пскове и произошло вынесение жилой застройки за его пределы» [26. С. 22].

вающих основополагающие устои общества и морали преступлений (так называемые «десять зол» – *ши э*), которые не подлежали обычной амнистии. Среди «десяти зол» первыми назывались злодеяния, суть которых заключалась в «неисполнении долга подданного» (*бу чэнь*). К ним относились мятеж, бунт и тайная измена своему государству¹. Как уже отмечалось, сюда же относилось и «выражение великого непочтения», разновидностью которого признавались кражи предметов культа. Лица, признанные виновными в совершении этих преступлений, не могли откупиться от наказания [27. С. 99].

Кроме того, древнерусское правило «живота не дати» по характеру последствий для имущества преступника обнаруживает черты сходства с известной римскому праву нормой о «наследственном» характере ряда преступлений, в том числе «преступлений против величия»².

Одним из юридических последствий таких преступлений было не только лишение самого преступника всех имущественных и гражданских прав, но и запрет детям преступника получать из его имущества что-либо в наследство по закону или по завещанию на общих основаниях. Имуществом преступника в таких случаях распоряжалось римское государство [28. С. 110–111].

Таким образом, Псковская судная грамота не устанавливала смертную казнь как новый вид наказания. В основанной на христианстве древнерусской религиозно-правовой системе смертная казнь за наиболее опасные преступления была санкционирована законами царей – греческих и ордынских.

Вместе с тем грамота регламентировала имущественные последствия наиболее опасных правонарушений. Она лишала преступника возможности распорядиться нажитым им имуществом («животом»), которое обращалось в пользу городской общины. Это не позволяло преступнику откупиться от смерти, а также передать имущество по наследству.

Псковская судная грамота стала первым актом древнерусского законодательства, в котором в отдельной норме была выделена группа наиболее опасных правонарушений и определены особые правовые последствия их совершения.

Литература

1. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л.: Наука, 1980. 243 с.
2. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855. 199 с.
3. Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб.: Тип. Аполлона Фридрихсона, 1855. 194 с.
4. Памятники русского права: в 35 т. Т. 2: Памятники права удельной Руси. М.: Юрлитинформ, 2013. 408 с.
5. Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. М.: Юрид. лит., 1988. 136 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. 432 с.
7. Псковские летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. 2. 364 с.

¹ Кроме отмеченных выше, к категории «десяти зол» относились также «непокорство родственников», «жестокие преступления, противоречащие порядку вещей», «непочтение к родителям», «несогласие между родственниками», «нарушение социальной связи», кровосмесительные половые связи [27. С. 309].

² О наследственном преступлении говорилось, в частности, в конституции Аркадия и Гонория 397 г. [28. С. 110].

8. *Оспенников Ю.В.* Перевет и поджог в древнерусском праве // *Право и политика.* 2008. № 6. С. 1517–1520.
9. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.* М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 659 с.
10. *Бенеманский М.* Закон Градский. Значение его в русском праве. М., 1917. 481 с.
11. *Псковские летописи.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 1. 148 с.
12. *Мартысевич И.Д.* Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М.: Изд-во МГУ, 1951. 208 с.
13. *Полное собрание русских летописей.* Т. 4: Новгородские и псковские летописи. Псковские летописи. Псковская первая летопись. СПб., 1848. 360 с.
14. *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 2002. 384 с.
15. *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. 758 с.
16. *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб.: Лань, 1999. 639 с.
17. *Бенеманский М.* О Прохеирос потос императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Сергиев Посад, 1906. Вып. 1. 563 с.
18. *Молчанов Б., Жанчивдорж М.* Уголовная ответственность за преступления по обычному праву Монголии // *Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья.* URL: <http://law.vl.ru/analit/> (дата обращения: 06.02.2014).
19. *Карпини Дж.* История монгалов // *Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны.* СПб., 1911. 224 с.
20. *Путешествие в восточные страны* Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
21. *Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века)* / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 1999. 480 с.
22. *Цечоев В.К.* История государства и права России с древнейших времен до 1861 г. Ростов н/Дону, 2000. 476 с.
23. *Владимирский-Буданов М.В.* Обзор истории русского права. Ростов на/Д, 1995. 640 с.
24. *Смертная казнь: за и против.* М., 1989. 528 с.
25. *Древнее Хорвато-Далматское законодательство.* Одесса: Тип. Л. Нитче, 1868. 170 с.
26. *Лабутина И.К.* Историко-топографический комментарий к Псковской судной грамоте // *Псковская судная грамота и российская правовая традиция: труды межрегиональной научной конференции, посвященной 600-летию юбилею Псковской судной грамоты.* Псков, 1997. С. 21–26.
27. *Законы великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли):* пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. М.: Вост. лит., 1997. Ч. 1. 576 с.
28. *Щеголев А.В.* Закон Юлия об оскорблении величия в кодексе Юстиниана // *Древнее право.* 1999. № 1. С. 108–115.

Savchenko Dmitry A. Novosibirsk Institute of Tomsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

LIABILITY FOR THE MOST DANGEROUS CRIMES UNDER THE PSKOVIAN JUDICIAL CHARTER.

Key words: Old Russian Law, the Pskovian Judicial Charter, crimes, capital punishment, forfeiture of property.

It is noted in the article that the Pskovian Judicial Charter was the first legislative act of ancient Rus and it contained a separate group of the most dangerous crimes. The list of these crimes included arson, support of an enemy and some types of stealing: theft from churches (sacrilege), theft of a horse and theft for the third time. The Charter determined some special legal consequences of such crimes. It prescribed “not to be allowed to protect the stomach” for those who committed such crimes and this expression is often interpreted in the literature as “to punish by death” though in ancient Russian statutory acts the word “stomach” had the meaning “property”.

If we refer to the chronicles of Russian law of past ages we’ll find that in the XIII–XV centuries capital punishment was used for the most dangerous crimes. But the Pskovian Judicial Charter could not be the legal source to allow that type of punishment. Due to the fact that Old Russian religious

legal system was based on Christianity, capital punishment for the most serious crimes was authorized by the laws of Greek (Byzantine emperors- for arson and support of enemies) and Horden (Mongol khans –for serious thefts) tsars. Thus, the Pskovian Judicial Charter didn't impose capital punishment as a new type. But it regulated the property consequences of the most dangerous crimes. The rule "not to be allowed to protect the stomach" was a prohibiting one. It prescribed the judges to refuse an application of a criminal "to protect his stomach". Such prohibitions were known to other nations and were used for an exclusion from a community.

The very opportunity to decide whether "to protect or not to protect one's stomach" probably derives from the custom in Pskov to keep movable property outside the yard in the town or in the suburb. The Pskovian Judicial Charter deprived a criminal of the possibility to dispose of his property ("stomach") which was converted to the use of the town community. The criminal could neither buy off the death nor make his property inheritable.

Such a category of criminals who didn't have the right to buy off death was known to the law of other states, e.g. China. Moreover, the Old Russian rule "not to protect the stomach" has the same consequences for the property of a criminal as the rule of Roman law about the "inherited" character of some crimes.

References

1. Alekseev Yu.G. Pskovskaya sudnaya gramota i ee vremya. L.: Nauka, 1980. 243 c.
2. Engel'man I. Sistematicheskoe izlozhenie grazhdanskikh zakonov, soderzhaschichsya v Pskovskoy sudnoy gramote. SPb., 1855. 199 s.
3. Ustryalov F. Issledovanie Pskovskoy Sudnoy gramoty 1467 g. SPb.: Tip. Apollona Fridrichsona, 1855. 194 s.
4. Pamyatniki rossiyskogo prava: v 35 t. T. 2. Pamyatniki prava udel'noy Rusi. M.: Yurlitinform, 2013. 408 s.
5. Chachaturov R.L. Mirnye dogovory Rusi s Vizantiei. M.: Yurid. lit. 1988. 136 s.
6. Rossiyskoe zakonodatel'stvo Ch–ChCh vekov: v 9 t. T. 1: Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. M., 1984. 432 s.
7. Pskovskie letopisi. M.: Izd-vo AN SSSR. 1955. Vyp. 2. 364 s.
8. Ospennikov Yu.V. Perevet i podzhog v drevnerusskom prave // Pravo i politika. 2008. № 6. S. 1517–1520.
9. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. 1950. 659 s.
10. Benemanskiy M. Zakon Gradskiy. Znachenie ego v russkom prave. M., 1917. 481 s.
11. Pskovskie letopisi. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. Vyp. 1. 148 s.
12. Martyshevich I.D. Pskovskaya sudnaya gramota. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie. M.: Izd-vo MGU, 1951. 208 s.
13. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 4: Novgorodskie i pskovskie letopisi. Pskovskie letopisi. Pskovskaya pervaya letopis'. SPb., 1848. 360 s.
14. Pavlov A.S. Kurs zerkovnogo prava. SPb., 2002. 384 s.
15. Zhivov V.M. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury. M., 2002. 758 s.
16. Belyaev I.D. Istoriya russkogo zakonodatel'stva. SPb.: Lan', 1999. 639 s.
17. Benemanskiy M. O Proxeipoc nomoc imperatora Vasiliya Makedonyanina. Ego proischozhdenie, charakteristika i znachenie v zerkovnom prave. Sergiev Posad, 1906. Vyp. 1. 563 s.
18. Molchanov B., Zhanchivdorzh M. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya po obychnomu pravu Mongolii // Zakon. Internet-zhurnal Assoziatsii yuristov Primor'ya. URL: <http://law.vl.ru/analit/> (data obrascheniya: 06.02.2014).
19. Karpini Dzh. Istoriya mongalov // Gil'om de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany. SPb., 1911. 224 s.
20. Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka. M.: Geografiz, 1957. 270 s.
21. Chrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran (Drevnost' i Srednie veka) / sost. V.A. Tomsinov. M.: Zerkalo, 1999. 480 s.
22. Zechoev V.K. Istoriya gosudarstva i prava Rossii s drevneyshich vremen do 1861 g. Rostov n/Donu, 2000. 476 s.
23. Vladimirskiy-Budanov M.V. Obzor istorii russkogo prava. Rostov na/D, 1995. 640 s.
24. Smertnaya kazn': za i protiv. M., 1989. 528 s.
25. Drevnee Chorvato-Dalmatskoe zakonodatel'stvo. Odessa: Tip. L. Nitche, 1868. 170 s.

26. Labutina I.K. Istoriko-topograficheskiy kommentariy k Pskovskoy sudnoy gramote // Pskovskaya sudnaya gramota i rossiyskaya pravovaya tradiziya: trudy mezhregional'noy nauchnoy konferenzii, posvyaschennoy 600-letnemu yubileyu Pskovskoy sudnoy gramoty. Pskov, 1997. S. 21–26.

27. Zakony velikoy dinastii Min so svodnym kommentariem i prilozheniem postanovleniy (Da Min lyuy zzi zze fu li): per. s kit., issled., primech. i prilozh. N.P. Svistunovoy. M.: Vost. lit., 1997. Ch. 1. 576 s.

28. Schegolev A.V. Zakon Yuliya ob oskorblenii velichiya v kodekse Yustiniana // Drevnee pravo. 1999. № 1. S. 108–115.